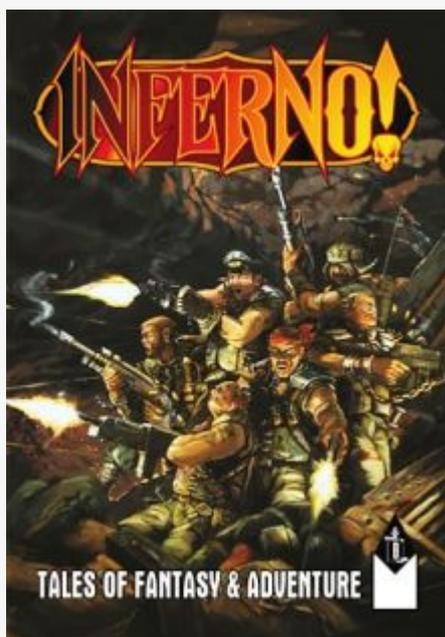

Врата / The Doorway Between (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Врата / The Doorway Between
(рассказ)

Автор	Рюрик Дэвидсон / Rjurik Davidson
Переводчик	MadGoatSoldier
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Царство Хаоса / Realm of Chaos Истории Старого Света / Tales of the Old World
Источник	Inferno! 10
Год издания	1999
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

- Я хочу их головы и своё имущество, - подавшись вперёд, сказал барон фон Кляйст, и вуаль теней скрыла его тощее лицо. Высокий, худощавый, чисто выбритый мужчина с похожими на воронье крыло залезанными тёмными волосами источал ауру благородства даже в скромном плаще, закреплённом на

плече простой фибулой. Возможно, именно последнее подчёркивало первое - истинная знать не нуждалась в вычурных нарядах и не щеголяла рюшами да кружевами. Лишь новоявленным аристократам требовалось доказывать своё положение пестротой и показной пышностью.

Или так, по крайней мере, подумал Франц Хайдель, оценивая сидящего перед ним человека. Охотник на ведьм откинулся на спинку стула и окинул взглядом таверну. В камине потрескивали дрова, а огонь лениво делился теплом. За барной стойкой сидела пара-тройка завсегдатаев и клевала носами, будто головы у них с каждой минутой наливались тяжестью. В углу напротив веселилась группа молодых людей с румяными от дешёвого вина щеками. Их обслуживала дочка хозяина заведения - под неприличные возгласы она выходила из-за прилавка и направлялась к ним. «Бехафен, - подумал Хайдель, - ничем не отличается от других городов Империи».

Франц сам выглядел неброско в простой одежде бурых и зелёных тонов, идеальных для дикой местности. Вид дополняли русые растрёпанные волосы, обрамлявшие уши, точёные черты лица и тонкие губы. Но по-настоящему выделялись глаза - тёмные и бездонные. Казалось, будто в них сокрыта целая палитра страстности и рвения, и только зрачки позволяли заглянуть туда, как через скважину в залитую светом комнату. Он повернулся лицом к барону.

- Моя задача - искоренять зло. Я поклялся искать эту раковую опухоль, растущую в мире день ото дня, и, найдя её... - тут Хайдель осёкся.

- Цель, безусловно, благородная, - слегка улыбнулся барон. - Если не ошибаюсь, всего три дня назад вы предали человека огню. А случилось ли карать безвинного?

- Никогда.

- Откуда такая уверенность? - спросил барон с вызовом в глазах.

- Колдовство, волшба и прочие виды порчи выдают себя смрадом. На воре и шапка горит. Восприимчивые люди ощущают присутствие зла - я знаю, что стою во тьме, если ничего не вижу, - чуть рассеянно сказал Хайдель, а затем подался вперёд, и его голос обрёл твёрдость. - Невинным нечего бояться, ибо они пребывают под сенью света, а вот грешники явят себя, и им стоит дрожать от страха, потому как лишь боги, свет и истина могут очистить мир от нечестивой тени порока.

Барону, казалось, понравились слова Хайделя, и он откинулся назад и глотнул тёмно-красного вина, а затем поставил бокал на стол.

- Итак, задача вам по плечу? Вы сможете выследить эту кучку злодеев и - как бы сказать - избавить от них мир. Уверен, моя вещь находится у Тёмного Воина. Возвращайтесь, как только покончите с грязным сбродом и найдёте её - за передачу реликвии в ценности и сохранности плачу семьсот крон. Буду ждать вас здесь.

- Скажите, барон, как разбойники узнали о ней во время нападения на обоз?

Хайдель налил себе немного вина из глиняного кувшина.

- Я взял все ценности с собой, когда решил осесть в Бехафене. По пути ганза застала нас врасплох, и мои люди - трусливые глупцы - бежали, а слуга Тьмы вместе с дружками занялись грабежом. Тут, конечно, гордиться нечем, посему я прошу не распространяться об этом, - и барон накрыл худую руку другой, дабы показать, что он имеет в виду.

- И что же представляет из себя ваша реликвия?

- Кулон из серебра с вставкой из голубого камня – красивого, как чистое небо над скованным льдом Рейком. На свету в воздухе разлетаются тысячи крошечных сполохов, а голубой оттенок становится глубже и насыщеннее, как сгущающаяся ночь.

- Чудесная вещь, - улыбнулся Хайдель, представляя себе игру оттенков синего и сверкающие отблески.

- Для меня нет ничего дороже, - искренне заявил барон.

- Представляю, как сильно вы обеспокоены.

- Я не нахожу места от мысли, что больше никогда не увижу мою прелесть, - а затем барон покачал головой, словно не веря, что подвеску могли украсть.

- Не бойтесь, ваше благородие, - голос Хайделя звучал уверенно, твёрдо и решительно. - Я верну реликвию и тем самым воздам нечестивцам по заслугам, даровав им вечный сон в сырой земле. Конечно, мне не обойтись без проводника, знающего округу...

- О, я всё предусмотрел, - взмахом руки прервал его барон. - Есть у меня следопыт, знающий местность, как свои два пальца. Карл Зассен. Я передам ему, чтобы встретился с вами здесь, в таверне.

- Что ж, если этот Зассен способный малый, то мы сможем отбыть завтра, - охотник на ведьм высоко поднял бокал и сказал: - За успех нашего предприятия.

- За успех, - повторил фон Кляйст с широкой улыбкой на лице.

Следопыт Зассен пришёл в середине утра. Хайдель читал «Исповедь Андрея Зиндера», полную крайне личных и чётко изложенных представлений о природе зла и тьмы, когда в дверь неожиданно и быстро постучали. Он с некоторой неохотой отложил в сторону тяжёлый том и принял гостя.

Зассен оказался человеком невысоким и шустрым, как мелкий зверёк. Он находился в постоянном напряжении, словно ему в любой момент могло потребоваться бежать от опасности. А длинный нос и пушок на лице только усиливали невольное сходство с куницей.

- Входите, - пригласил его Хайдель, и Зассен последовал за ним внутрь. Едва сев, Франца тут же возмутило поведение следопыта, который принялся бродить по комнате и рыскать среди вещей Хайделя.

- Милый плащ, - неожиданно для следопыта отчеканил тенором Зассен, а затем покатал мех на отвороте между большим и указательным пальцами.

Хайдель нерешительно согласился, не зная, что и думать о коротышке.

Зассен коснулся рукояти кинжала, лежащего на столике у кровати, но тут Хайдель, всё более распаяясь, заметил, что следопыт, наклонив голову, изучает «Исповедь Андрея Зиндера».

- Когда начинаем? - проводник повернулся и впервые после входа в комнату посмотрел прямо в глаза Хайделю.

Тот уже едва сдерживал гнев. Невежественный следопыт. Да как он посмел войти в покои Хайделя и начать совать нос в его личные дела! Франц прикусил язык и переборол себя, прежде чем ответить:

- Вам известно о рисках?

Коротышка скривил лицо.

- Так-то я не воин.

- Нашей общей задачей является возвращение реликвии барону, поэтому мы обязаны сделать всё возможное. Если вам придётся сражаться, так тому и быть. Но против помощи следопыта я возражать не стану.

Зассен недоумевал, словно в логике Хайделя его что-то смущало, а затем согласно кивнул.

- Хорошо, - ответил он и, сев на кровать, подобрал лежащий там тяжёлый манускрипт. - Эта книга, - добавил следопыт. - Слышал я об Андрее Зиндере.

- О, вы человек культуры? - Хайделя охватило удивление и любопытство.

- Да не совсем, - с самокритичной улыбкой ответил Зассен. - Просто немного умею читать - слово тут, слово там.

И Франц впервые проникся симпатией к мужчине с лицом грызуна, ведь он считал скромность добродетелью.

- Слышал я, - продолжил Зассен, - что, прежде чем познать истинную природу зла, в юности Зиндер слыл сущим грешником.

- Он отринул тёмный путь, - с ходу парировал Хайдель, - веря, что его знания как нельзя кстати придутся для борьбы с ним.

Зассен мимолётно улыбнулся, явив острые белые зубы.

- Разве можно этому верить? Что человек отвернётся от тьмы после того, как вдоволь наслаждался ею?

- В данном случае - да, - признал Хайдель.

- Тогда, герр Хайдель, вас не прельщала мысль заняться запретными искусствами и опасными практиками ради получения выгоды? - Зассен ухмыльнулся, и кожистое лицо приняло лукавый вид.

Глаза Хайделя опасно зажглись.

- Некоторые скажут, - отметил он, - что никогда не рассматривали такую возможность, утверждая, что нельзя быть уверенным в негибаемости своего духа, и лишь сильнейшие могут вернуться под сень света, вкусив этот сладкий, но ядовитый плод.

Зассен встал и зашагал по комнате, всё более заинтересованный беседой.

- И вы согласны с ними?

- Нет, - уверенно заявил Хайдель.

- Да, здесь не может быть компромисса, - следопыт выглядел довольным - он явно решил, что загнал Хайделя в угол. - Такую позицию занимают те, кто сами не желают баловаться с Тьмой, но видят определённую ценность в «Исповеди». Иначе как бы вы поступили с Зиндером?

- Убил бы его, - голос Хайделя был твёрд, как алмаз.

- Даже...

Но Хайдель закончил раньше Зассена:

- Даже после признания им ошибочности своих путей.

Зассен пристально смотрел на него, будто не веря своим ушам, с открытым ртом, где виднелись мелкие острые зубки. Сам же Хайдель сидел спокойно, едва не испытывая вину за уничтожение мало-мальски разумных доводов, приведённых следопытом, но зная наверняка – от своих слов он бы не отступил.

Позднее, обсудив основной план действий, Зассен отправился на сборы припасов: седельных сумок, меча, покрывал, еды и прочего. Хайдель тоже не сидел на месте: поверх кольчуги на случай (неизбежно грядущего) боя он накинул старый кожаный плащ, а на голову надел чёрную замызганную шляпу с широкими полями. Закрепив меч на поясе, мужчина проверил длинный лук с колчаном, которые понесёт на седле его серая кобыла.

«Неужели, - задался вопросом Хайдель, - я бы убил Андрея Зиндера, автора одного из всеобъемлющих трактатов о природе зла, текста с детальными сведениями о тьме во всех её проявлениях?». Невзначай он взял «Исповедь» с прикроватного столика, покрутил и взвесил её в руке, а затем провёл пальцами по обложке – кожа на ощупь была мягкой и бархатной. По наитию он открыл заглавную страницу манускрипта и прочёл первые строки:

«Лишь чрез участие в бесчеловечных актах прозрел я истинную опасность сих ужасов. И лишь тогда познал я нужду калёным железом выжечь порчу».

В глубокой задумчивости Хайдель положил книгу обратно.

После обеда, когда из-за лениво плывущих облаков начало пробиваться солнце, Хайдель встретился с Зассеном на выезде из Бехафена.

Оттуда они направились по дороге на Талабек, проехав несколько деревушек среди зеленеющих холмистых полей. Поначалу они держали путь на юг, но постепенно свернули на запад. Овцы и крупный рогатый скот лениво паслись вокруг, жуя траву и иногда глядя мутным взглядом на едущих мимо всадников. За коровами простиралась поля с ячменём и пшеницей – золотом уходящего лета. Навстречу им прошёл крестьянин с гружёной зерном телегой: заметив Хайделя, он опустил голову и не решался поднять глаз. Затем рядом прогремел торговый караван с бочками и мехами – тяжеловооруженная охрана безмолвно сверлила их глазами.

Наконец, группа молодых дворян на чёрных рысаках пронеслась по полям и, бесцеремонно выехав наперерез, скрылась вдалеке в погоне за некоей добычей, после чего мужчины остались одни на петляющей среди мелколесья наезженной дороге, что медленно и неотвратно уводила на запад.

В пути Хайдель явно повеселел. «И вновь я иду по следу зла», - подумал он.

- Владыка Зигмар, - тихо помолился он, - защити меня в пути. Позволь вернуться живым и невредимым с трофеями, снятыми у врагов моих.

Неизвестно, внимали ему боги или нет, но помолиться он всегда считал уместным, ибо если они всё-таки

внемлют, то, возможно, одарят его защитой свыше.

В попытке разбавить тишину Зассен начал рассказывать про себя, хотя Хайдель был бы рад этого не слушать. Коротышка много лет жил за городом, охотясь и расчищая землю, но одно время плавал с северянами, совершая набеги на незащищенные селения и грабя богатые торговые суда. Впрочем, он заверил Хайделя, что с тех пор решил окончательно осесть в Бехафене. Тот не знал, верить ли словам следопыта. Плаванье с норсами? «Храни его Зигмар, - подумал он. - Пускай выдумывает, что хочет».

- По словам барона, облаву устроили где-то в десяти милях от Бехафена, - продолжил Зассен. - Он говорит, что разбойники ушли к горам через лес на востоке.

- Как он это понял?

- После нападения барон с людьми вернулся к обозу и нашёл его разграбленным. Свежий след вёл вглубь леса.

Хайдель молча кивнул и по пути погрузился в размышления.

Куцы заросли на обочине постепенно сменились лесом: рощица тут, рощица побольше там, пока вкостри не возникли густые дебри. Хайдель чувствовал себя уверенно в дикой природе, ему нравились её простые законы. Опасность возникала быстро и непосредственно, будь то голодный зверь, снегопад или накат морских волн. Заботы Хайделя тоже были незатейливы: найти укрытие от непогоды, не замёрзнуть и не вымокнуть, а также запастись достаточно провизии на время похода. Найти зло не составляло труда из-за его заметности - порождения мрака бродили по лесам, нападали на небольшие селения или прятались в горах. Хайделю просто требовалось их выследить и уничтожить.

Иное дело города. В толпе Хайдель чувствовал себя не в своей тарелке. Придворные интриги и козни, торжественные балы, где дамы прятали оспины под белилами и румянами, а лорды и принцы закоsnели во грехе со шлюхами и белыми порошками. Всё было запутанно и скрыто за покровами тайн. Слова и действия людей основывались на сложных правилах и жестах, которые ещё предстояло разгадать. За дружеским приветствием могло таиться серьёзное оскорбление, а твой лучший друг мог оказаться страшнейшим из врагов. Простота и прямолинейность считались тривиальной причудой. Опасность принимала множество обликов и форм. Он никогда не смог бы влиться в такое общество, ибо оно само навлекало на себя беду. Франц не мог - да и не стал бы - защищать его. Зато это по плечу охотникам на ведьм вроде Эммануила Мендельсона.

Подумав о нём, Генрих наклонился и плюнул наземь.

Самопровозглашённый охотник на ведьм Мендельсон родился в знатной семье и вырос среди господ, госпож и шлюх. Он вёл себя непринуждённо в высшем обществе, щеголяя шёлковыми рубашками с оборками, широкополыми шляпами, из-под которых вились русые кудри, и остроносими кожаными сапогами, чем и вызывал подозрения, ведь наслаждение шёлком и другие плотские удовольствия разделяла тонкая грань. Сначала предметы роскоши, затем женщины и запрещённые вещества, а следом - понятное дело - и моральное разложение. Нет, Хайделю не нравились такие люди. Он не разделял стремление аристократа к славе, его любовь к известности, попытки превратить всё в спектакль. Мендельсон позорил имя охотников на ведьм, и Хайдель не удивился бы, если однажды ему пришлось бы выслеживать самого дворянина. Эта случайная идея вызвала у него ироничную улыбку.

Хайдель тряхнул головой и прогнал мысли о Мендельсоне - он убеждался, что из-за них у него сильно портилось настроение. Мужчина окинул взглядом лес. Казалось, что деревья становились толще и

кривее, а подлесок – колючее и неприветливее. Рядом молча ехал Зассен, внимательно выискивая следы налёта.

Примерно через четыре часа после отбытия из Бехафена Зассен вдруг остановился и, осадив лошадь, спешился, а затем, припав к земле, пополз вдоль опушки леса. Хайделю показалось, будто коротышка в прямом смысле разнюхивает след. И тут следопыт резко вскинул голову и воскликнул:

- Вот он.

Хайдель тоже спрыгнул с лошади и подошёл к нему. На земле виднелось несколько рыхлых следов, ведущих в лес. Без Зассена он точно бы пропустил их.

Вход в лес был отмечен несколькими сломанными ветками и ведущими во мрак следами, ещё различимыми после двух дней без дождя. В самой чаще идти станет сложнее. Свисающие ветви, будто простёртые руки, преграждали им путь, а хитросплетения корней грозили опутать ноги.

- Эта местность вам хорошо знакома? – поинтересовался у следопыта Хайдель.

- Вполне себе, но, боюсь, так будет везде. Впрочем, разбойникам тоже придётся попотеть. Так или иначе, идти придётся пешком, - и Зассен сощурил глаза.

Хайдель заметил, что его раздражает то, как коротышка постоянно жмурится во время разговора.

- Похоже, передвигаться в темноте нам не удастся, - сказал Хайдель и посмотрел на небо, будто вот-вот грозила наступить ночь. Но оно оставалось таким же насыщенно-голубым с клочковатыми облаками, что медленно плыли над головой.

- Согласен, - признал Зассен. - Для нас главное – днём успеть наверстать упущенное.

- Хорошо. Тогда лучше не мешкать.

Четыре дня они пробирались по лесу: путь им и лошадям преграждали кривые ветви деревьев, а терновник и кусты до крови расцарапывали им ноги там, где кожу ничего не защищало. Вскоре руки Хайделя покрылись замысловатой сетью струпов. Днём они не видели солнца, скрывавшегося за лесным пологом, но ночи оказались ещё темнее, что даже тёмные силуэты древ растворялись во мраке.

Каждый день проходил одинаково: они просыпались с первыми лучами солнца, как можно скорее снимались с места и неслись во весь опор – по словам барона, с разбойниками их разделяло два дня пути. В прежнем темпе Хайдель и Зассен нагнали бы ганзу самое большее через неделю или быстрее, если бы та на время встала где-нибудь лагерем. И вот тогда всё решит эффект неожиданности. Хайдель не выстоит против целой банды – придётся убивать каждого по отдельности.

Утром четвёртого дня с начала странствий по лесу Зассен остановился и изучил следы (что он делал на постоянной основе).

- До них меньше дня пути, - он посмотрел на Хайделя и сощурился.

Они видели не дальше двадцати футов перед собой и в любой миг могли наткнуться на преследуемых и погибнуть или того хуже. В ограниченном пространстве охотники сами становились жертвами, и шайка Чёрного Воина их точно уничтожит. Хайдель часто слышал шорохи совсем близко в лесу или шелест ветвей над головой, но не видел нарушителей спокойствия. Должно быть, так двигались животные и

птицы, что, впрочем, не успокаивало его.

Наверное, поэтому Зассен для разрядки продолжал завязывать беседы, выводя охотника на ведьм на разговоры о его похождениях.

- Так скольких вы приговорили к смерти? – как-то раз спросил он.

Хайдель злобно посмотрел в ответ.

- Какой же вы мрачный, герр Хайдель.

- Лучше промолчать, чем без толку болтать, – прямо заявил охотник на ведьм.

Но Зассен, нисколько не смутившись, продолжил:

- Слышал я, что всего месяц назад вы сожгли человека. И за что же?

- Он предался пороку, – слова, будто пули, слетели с губ Хайделя, сочась отвращением и презрением.

- В чём же его вина? – робко поинтересовался Зассен.

- По прибытию в ту самую деревню я обнаружил, что многие люди пали жертвой болезни. Заразной, словно чума, – речь Хайделя постепенно обретала силу, равно как и пылкость. – Сначала у меня не вышло найти её источник. При осмотре жертв я обнаружил крупные воспалённые подкожные узлы. В подмышках, на шее и в паху. Для проверки я проколол один из них, откуда вывалился извивающийся клубок толстых червеобразных существ фиолетово-жёлтой окраски. Больной, к несчастью, скончался. Позже я пытался исцелить жертву прижиганием опухолей, однако тело не выдержало такой муки.

Хайдель глянул на Зассена, чей взгляд наполнился смесью отвращения и возбуждения.

- Вы продолжайте, продолжайте, – сказал следопыт, облизывая губы и дёргая себя за жиденькую бородку.

- Меня осенило, что жертвами являлись только мужчины, и посему я вернулся к поискам источника. Определив причину, я, вероятно, мог спасти этих несчастных. Истина открылась за день. Я опросил мужчин и выяснил, что жертв кое-что объединяло, а именно – равнодушие к одной особе женского пола. Обыск её дома ничего не дал, но меня это не остановило. Я надавил на женщину и узнал имена её воздыхателей. Под нажимом она перечислила людей, все они заболели... кроме одного, хозяина таверны. В его подвале я и обнаружил котёл, полный копошащихся личинок. Он добавлял их в эль и скармливал пьяным мужчинам. Те, так или иначе, проникали вглубь мягких тканей и внутренних органов. Поэтому той же ночью его сожгли на костре.

- Но почему, почему он так поступал?

- Так он проявлял свою любовь. Мужчина неровно дышал к ней, но та не отвечала взаимностью. В итоге он возненавидел других любовников и решил сжить их со свету. Вот только душевные терзания свели его с ума, и ненависть к отдельным мужчинам сменилась огульной, а уж потом – ко всему миру в целом. Вот как происходит падение во тьму.

После его слов возникла пауза, а затем Зассен зашёлся в сильнейшем приступе неудержимого хохота.

- Думаете, это смешно? – глаза Хайделя зажглись, и рука неосознанно двинулась к рукояти меча.

- Нет, нет, конечно, нет, - Зассен вдруг поник и более не задавал вопросы.

Примерно в полдень четвёртого дня след, которого они придерживались, вывел их к дороге, достаточно широкой для проезда двух повозок, с развилкой налево и направо. Когда-то движение здесь было оживлённым, но теперь всё поросло быльём, а лес вновь грозил сомкнуться вокруг них. Зассен отдал Хайделю поводья своей лошади и присел на корточки, чтобы изучить следы.

- Они свернули налево, - сказал он, - но справа к ним подходят и другие следы. Всадника. Похоже, здесь он спешился - вижу отпечатки ног. Вот, смотрите, - Зассен указал на них. - Похоже, встретился с разбойниками и присоединился к ним.

Хайдель присмотрелся. Казалось, будто коню пришлось какое-то время ждать, и он стоял, переминаясь с ноги на ногу. А рядом виднелись свежие следы сапог.

- Подошва мягкая, - отметил Зассен. - Отпечатки еле видны.

- Что ж, на одной лошади им далеко не уйти. Если поедем отсюда, то сегодня же догоним их. Сколько этим следам? - изучил находки Хайдель.

- Где-то полдня, - Зассен сощурился и провёл взглядом, будто ещё мог разглядеть скрывающуюся вдали ганзу.

- Тогда неспеша выезжаем и ночью обрушим на них шквал огня и света, - Хайдель сверкнул глазами в сторону Зассена, и следопыт мрачно улыбнулся и отвёл взгляд.

До темноты они продолжали путь, а затем Хайдель обратился к Зассену:

- Разбейте здесь лагерь. Неясно, как далеко ушла ганза, так что судьбу искушать не станем. Я пойду вперёд и поохочусь с луком. Вернусь до рассвета. Огонь не ставьте - по возвращении вы понадобится мне здесь. В противном случае...

Хайделю больше нечего было сказать, посему он кивнул, спешился, взял лук с колчаном и отправился в путь.

Зассен сошёл с тропы в направлении полянки, ведя под уздцы лошадей.

- Удачи, - окликнул он охотника на ведьм, но тот никак не отреагировал.

Новая тропа оказалась широкой, а в небе он видел звёзды. Здорово вновь оказаться на свободе и ощутить приток свежего воздуха.

- Зигмар, - прошептал он молитву, - да смилуется надо мной лес сей ночью. Молю и тебя, Ульрик, бог войны, обрушиться со мной на нечестивцев и изгнать зло кровью и сталью.

И, как всегда перед боем, его сердце запело. До кровопролития внутри него что-то менялось, словно душа неожиданно сливалась в гармонии с миром, будто существовал некий ритм или закономерность, определявшие ход вещей и событий. И имя сему - истина. В предсмертных муках пронзённого мечом врага. В постепенно угасающей жизни в глазах мутанта.

Путь привёл его на широкую поляну, где он и встретил ганзу, вставшую лагерем вокруг костра. Вид

захмелевших и одурманенных разбойников вызвал у Хайделя улыбку. Барон оказался прав – негодяев следовало уничтожить. «Зло вредит самому себе», - подумал он.

Их было семеро: шесть мерзких, искажённых помесей человека и зверя и мрачный воин в тяжёлых чёрных доспехах и скрытым под большим шлемом лицом. Над огнём на вертеле обугливался кусок неизвестного мяса. Вокруг тварей валялись бутылки с жидкостью, а сами они катались по земле среди грязи и экскрементов. Лишь воин, задумчивый и зловещий, спокойно сидел на опрокинутом бревне.

Хайдель воспользовался шансом и последовал за тремя выродками, что ушли с поляны и направились вниз по склону справа от него. Он крался как можно тише, держась теней, но иногда чертыхался, когда под ногами с хрустом ломались ветки. Но твари его не слышали и беззаботно неслись дальше. Чуть погодя они вышли к мирно журчащему среди камней ручейку, погрузили бурдюки в воду, загрязнив её своими нечистотами, и собирались было подниматься на холм...

И тут Хайдель атаковал. Первая стрела пробила тонкую шкуру на шее идущего впереди выродка, и у него из пасти хлынула кровь.

Возникла неразбериха. В мгновение ока две стрелы рассекли воздух и сразили тварь со щупальцами, которая, стая, рухнула. Последнее чудовище зашипело, как гигантская змея – сзади в него, рыча и размахивая лапами, врезалось что-то тяжёлое. После Хайдель скрылся во мраке. Первая вылазка закончилась успехом и смертью трёх тварей.

Хвала Зигмару. И да восславится имя Ульрика.

Вернувшись на поляну, где он оставил следопыта, Хайдель увидел, что Зассен молча сидит среди лошадей. Было ещё темно, и мороз щипал лицо. Даже завернувшись в одеяло, коротышка дрожал, как осиновый лист.

- Что за чудесная ночь, Зассен. Во тьме я обрушился на злодеев, и Зигмар благоволил нам, - быстро произнёс Хайдель, захлёб перечисляя события ночи. - Нужно выезжать до рассвета. Солнце скоро встанет, и мы должны нагнать их снова до того, как они скроются или застигнут нас врасплох. Тьма станет нашим укрытием.

Холодный воздух оставался недвижим, пока мужчины ехали. Вскоре на востоке зарделась заря. Наконец, когда они приблизились к вражескому лагерю, небо окрасилось золотыми, алыми и розовыми тонами, хотя солнце ещё скрывалось за линией деревьев.

Хайдель мельком взглянул на Зассена и задумался – будет ли какой-то прок от следопыта в бою? На боку у коротышки висел меч, но до сих пор он рубил им кусты и ветви. Крови клинок ещё не отведал, если только байки о плаваньях с норсами не были правдивыми. Возможно, этим утром он пройдёт крещение боем.

Когда Хайдель заметил, что они близко к лагерю, то шиканьем призвал остановиться, а затем они привязали лошадей к дереву.

- Будем надеяться, что они нас не услышали, - прошептал он Зассену. - Готовы?

Следопыт посмотрел на землю, затем на небо и в конце концов быстро кивнул, поджав губы. От него несло страхом.

Радость после первой вылазки сменилась новыми ощущениями. Хайдель, возможно, чувствовал смятение Зассена и неким образом посчитал, что сам испытывает такое скверное чувство. Дурные предчувствия терзали его, и даже молитвы Зигмару и Ульрику не принесли облегчения, напротив, сердце налилось свинцовой тяжестью. На мгновение Хайдель ощутил неизбежность поражения. Как ему бороться против Тёмного Воина, безликой и бездушной, ужасной и совершенной сущности из мрака и стали? В ночи он производил иное впечатление, но с рассветом мысленный образ стал внушительнее – будто зло пожрало саму сущность света и превратило воина в нечто совершенно невообразимое. Теперь же он возвышался на десять футов, а его доспехи казались прочными, почти неуязвимыми.

Хайдель встрепенулся.

- Глупец, - тихо произнёс он, но, несмотря на прилив мужества, он не чувствовал особой уверенности в своих шагах.

Они прокрались вдоль обочины дороги и вскоре достигли лагеря. Хайделя почти удивился тому, что твари ещё оставались там. Три искажённых мутанта сидели кругом спиной друг к другу со зловещего вида зазубренными клинками. Был там и человек-петух, и горбатое нечто со щитом, как вначале почудилось Хайделю, но затем оказалось, что это выросший на теле человека панцирь; и, наконец, настолько отвратительное порождение, при виде которого Хайделя испытал гнев и невообразимое отвращение – голову ему заменяла зияющая пасть, сочащаяся розоватой и вонючей слизью.

А вот воина и след простыл.

- Зассен, - сказал охотник на ведьм, - настал час правосудия.

И они принялись за дело.

«Сколь грациозно проносятся над поляной стрелы, рассекая недвижный и стылый утренний воздух, чуть взмывая в полёте и изящно падая, прежде чем вкусить плоти и крови» - подумал Хайдель. На миг он отвлёкся от боя и просто наблюдал за их реянием и той красотой, с которой снаряды творили своё дело – лететь и убивать.

Но затем кровь и смерть нарушили сию идиллию. Человек-петух вдруг принялся бешено скакать, на удивление высоко прыгая, и то, как он, напрягая мышцы, раз за разом отталкивался от земли, выглядело жутковато. Злосчастное создание корчило в муках, скручивая и выбрасывая искажённое тело ввысь, а кровь била из него ключом... и как же много её было.

Следующим выстрелом Хайдель прошёл насквозь панцирь другого чудовища, отчего то заметалось в безуспешной попытке вытащить торчащее из спины древко.

С мечом в руке охотник на ведьм бросился в атаку, а за ним, вопя что есть мочи, стремглав бежал Зассен. Хайдель вскоре потерял следопыта из виду, когда на него напала третья тварь – к отвращению мужчины, всё её тело покрывали слюнявые и клыкастые зияющие пасти. Охотник на ведьм понял, что те высосут из него жизненные силы, едва на нём сомкнутся крепкие и жилистые руки создания, вырваться из объятий которого уже не получится.

- Встреть свою смерть, выронок! – крикнул он и пронзил мечом брюхо твари, но, даже болтаясь на лезвие у самой гарды, та отказывалась умирать. Она схватила Хайделя и, крепко удерживая его жилистыми руками, всё ближе подтягивала к себе. Сила хватки ошеломляла, и мужчина ощутил укусы зубастых пастей.

- Зигмар! – вскричал он и попытался вырваться, но тварь не выпускала его.

В отчаянии Хайдель прокрутил меч и направил его вверх, после чего по рукам заструилась кровь и заскользили внутренности. Раздался мерзкий крик, похожий на птичий клетот, хватка выродка ослабла, и он рухнул наземь.

Хайдель отшатнулся с болтающимся в руке мечом, пот и кровь застили ему глаза. Он смутно осознавал, что где-то на другом краю поляны сражается Зассен. Мужчина обессилено развернулся – и перед ним замаячило нечто огромное и чёрное.

Воин ростом чуть выше двух метров сжимал в бронированном кулаке массивный боевой топор. Хайдель почувствовал себя никчемным, будто перед ним стояло нечто из иной эпохи, существовавшее вне временных рамок. На мгновение благоговейный страх сковал его члены, и мужчина понял – настал час умирать. За спиной врага расцвёл кроваво-золотой рассвет, и его лучи, отражаясь на глянцевой поверхности чёрных доспехов, слепили глаза. Единственное, что он видел – заветную серебряную подвеску с ярко-голубым камнем на шее воина.

А затем Хайдель отлетел назад от удара бронированным кулаком в лицо и едва успел отскочить в сторону, когда в землю вонзился боевой топор и окатил мужчину потоком воздуха, порождённым взмахом оружия. Хайдель ударил мечом наотмашь, но тот со звоном отскочил от доспеха. Раздавшийся за этим неестественный и презрительный грудной смех вызвал у охотника на ведьм приступ гнева, придавший ему сил, и он, вскочив на ноги, отпрыгнул назад – топор пронёсся совсем рядом с животом, едва не выпотрошив его.

- Смейся-смейся! Умрёшь ты с воплями! – крикнул Хайдель, но в ответ услышал лишь хохот.

Уйдя вправо, Хайдель взмахнул мечом, целясь по локтю, где между стыками чёрных пластин проглядывала кольчуга. Он ощутил, что клинок достиг цели и нанёс рану, а затем отшатнулся назад и вбок, уходя от летящей в него смертоносной секиры. В этот миг нога задела что-то, – камень или корень – и он потерял равновесие: стопа осталась на месте, в то время как тело подалось вперёд. В отчаянии мужчина попытался сдвинуть ногу вперёд, что ему-таки удалось, и он припал на колено.

Теперь воин оказался за спиной вне обзора. Хайделя охватило ужасное предчувствие, будто нечто огромное и острое вот-вот вонзится ему в хребет или расколется череп надвое. Он отскочил вбок и услышал громкий гул, а в щёку ударил поток воздуха, похожий на весенний ветерок.

Неимоверным усилием он вскочил на ноги и, изогнув тело, размашисто описал дугу мечом. Грянул звон, когда удар оставил засечку на нагруднике противника и вынудил чудовище отшатнуться. Глянув по сторонам, Хайдель заметил щуплую фигурку Зассена, что ловко боролся со зверолодом, не переставая разить мечом.

Хайдель смахнул со лба и век пот, грозивший вскоре ослепить его, а затем атаковал гиганта, возобновившего нападение, и вновь ему пришлось уклоняться от смертоносного топора. Охотник на ведьм сражался без усталости, повторяя прежний сценарий: он рубил и колол, меч отскакивал от чёрного доспеха, а воин вскидывал секиру и рассекал ею пустоту на месте, где ещё недавно стоял Хайдель.

Хайдель боролся достойно, оставляя зарубки на броне и пуская кровь там, где между пластинами выродка защищала лишь кольчуга. И всё же он понимал, что шансов у него нет. Одно попадание секирой свалит его, и на этом всё будет кончено. Удары мужчины почти не наносили урона. Возможно, они лишили воина толики выносливости, но Хайдель уставал быстрее.

А затем случилось неизбежное: Хайдель споткнулся о труп. Пот попал в глаза, и зрение поплыло. Над ним возвышался огромный воин в чёрных доспехах. За спиной чудовища светило невообразимо прекрасное солнце и кровожадно поблескивал огромный древний топор. Хайдель понял – это конец. Бежать некуда.

И тут внезапно грянул хлопок, и время замедлило ход. В боковой части шлема возникла крупная вмятина. Следующий хлопок – и вмятина стала глубже, а в ней появились тысячи мелких дырочек, будто металл проткнули иголками. Воин отступил и неожиданно пошатнулся, а из-под большого шлема заструились кровь и жёлтый гной. Громадное тело рухнуло наземь, словно край утёса в море; а от мощного удара в воздух взметнулись пыль и миазмы. Пыль ненадолго повисла в воздухе, а затем порывом ветра её снесло прочь от гигантского трупа.

Хайдель сел и уставился вдаль, в ушах звенело, а пот стекал в глаза. Но тут его переполошил раздавшийся сквозь звон голос:

- Ну что, я вовремя? Знаешь, старина Хайдель, лучше бы тебе подбирать противников по плечу.

Хайдель повернул голову. Перед ним стоял щёголь в шёлковой рубашке с оборками, широкополой мягкой шляпе, из-под которой спускались завитые волосы, с аккуратно выбритыми усиками и в мягких остроносых кожаных сапогах. В руках мужчина держал две дымящихся пистолы.

- Мендельсон, - сухо произнёс Хайдель.

Зассен управился с панцирником и теперь занимался тем, что складывал тела в кучу. Хайдель испытал облегчение от того, что следопыт пережил бой. Большую часть времени он не видел коротышку, но очевидно, что Зассен таки умел обращаться с мечом, и, хотя на левой руке виднелся струп, он почти не пострадал.

- Так, царапина, - тихо ответил коротышка на вопрос Хайделя. Следопыт выглядел рассеянным, будто что-то пленяло его ум. Хайдель сделал ставку на последствия боя. Не раз он видел тех, кто пережил потрясение после битвы; некоторые пребывали в таком смятении, что лишались дара речи, рыдали, как дети или причитали хуже раненых.

Они твёрдо решили сжечь тела нечестивцев. Мендельсон с Хайделем принялись собирать ветки и сооружать из них погребальный костёр.

- Должно быть, вы обогнали меня ночью, - ухмыльнулся Мендельсон. - Признаюсь, я слегка расстроен тем, что ты оставил мне только воина.

- Не бойся, Мендельсон. Империя пронизана пороком – тебе ли не знать, учитывая, в каких кругах ты водишься, - огрызнулся Хайдель.

Мендельсон улыбнулся в ответ и поднял упавший кряж, покрытый гнилой корой и влагой.

- Проклятье, рубашку так испорчу.

Хотя он держал деревяшку подальше от себя, кусочки её всё же попали на шёлковые манжеты.

- Пойду схожу за лошадьми, - окликнул их с поляны Зассен. Он сложил тела в кучу, как только смог, и по виду ему сильно не терпелось покинуть это место смерти и порока. Хайдель согласно кивнул, и следопыт скрылся дальше по тропе.

Сложив достаточно высокий костёр, Хайдель начал сбрасывать туда трупы, испытывая отвращение от прикосновений к искажённым телам. Он пребывал в замешательстве. Знатный хлыщ Мендельсон спас ему жизнь. Не появившись этот пламенный франт здесь, он точно был бы мёртв. Но Хайдель чувствовал себя униженным и побеждённым и не мог заставить себя высказать слова благодарности. Он знал Мендельсона достаточно долго, чтобы видеть различия в выбранных ими путях, и не до конца одобрял тот, которого придерживался аристократ. Нехотя Хайдель повернулся к другому мужчине.

- Ты прибыл как раз вовремя. Покорно благодарю, Мендельсон.

Тот вскинул голову и одарил его ослепительно красивой улыбкой.

- Говоришь так, будто мы на купеческом рауте. «Ты прибыл как раз вовремя... Иначе я никогда бы не продал эти серебряные ложки!»

Возникла пауза.

- Ох, зови меня Эммануилом. «Мендельсон» звучит излишне формально.

Хайдель какое-то время боролся с правилами этикета, а затем сказал:

- А ты... полагаю, можешь звать меня Францем.

Немного погодя он добавил:

- Выходит, барон и тебя нанял?

- Барон?

- Фон Кляйст. Он дал мне это поручение.

- Не знаю никакого фон Кляйста.

Хайдель осёкся и задумался.

- Барон нанял меня, чтобы вернуть фамильную реликвию, дорогую для него вещь, украденную этими ужасными тварями. Они напали на его экипаж по пути в Бегафен.

Мендельсон сделал озадаченный вид и пощипал тонкие усики.

- Эта ганза напала на обоз. Я лично преследовал их от самого Бегафена. Ни на секунду не выпускал из виду. А откуда этот фон Кляйст?

- Из Альтдорфа или вроде того. Он переехал сюда подальше от столичного гнёта.

Мендельсон ещё сильнее затеребил усы.

- Я знаю большую часть альтдорфской знати, но никогда не слышал о бароне фон Кляйсте. И что это за реликвия, о которой он говорил?

Хайдель направился к огромному телу Тёмного Воина, закованного в броню. Толстые пластины доспеха выглядели впечатляюще. Требовалась немалая сила, чтобы носить такой. Даже сейчас невероятные размеры воина и латы внушали страх, будто в любое мгновение он мог восстать из мёртвых.

Также Хайделя поразил смрад, исходивший от трупа, у которого в зазорах между пластин с жужжанием

копошились мухи. Он содрогнулся, представляя, что скрывал доспех. Насекомые больше предпочитали кровавое месиво на месте головы воина тому, что находилось внутри брони.

- Подвеска, исключительной красоты. Она висела на шее у этого...

И тут Хайдель замер. Там ничего не было - подвеска пропала. Он посмотрел на аристократа.

- Пропала? - вопросительно вскинул брови Мендельсон.

Хайдель кивнул и медленно повернулся.

- Зассен.

Полдня ушло на то, чтобы выйти на след Зассена. Хайдель ехал вместе с Мендельсоном, стараясь как можно меньше прижиматься к его спине. В сумерках они наткнулись на чалую Зассена, лежащую мёртвой на обочине.

- Он забрал мою серую кобылу, - безучастно произнёс Хайдель.

- Ага, да и эта животинка чуток бледновата, - сверкнул улыбкой Мендельсон.

Но Хайдель не понимал его неистощимой весёлости.

- Эммануил, как среди мрачности нашего мира ты сохраняешь...

- Оптимизм?

- Именно.

- Скорее, это... - он покрутил тонкой рукой, подбирая правильное слово. - Чувство юмора.

Хайдель задумался.

- Юмор тоже хорош в борьбе с тьмой, Франц. В мире, где сосуществуют свет и мрак, день и ночь, добро и зло, юмор противоположен... Проклятье, ничего не приходит на ум, но... - всплеснул руками Мендельсон. - Короче, с ним шутки плохи, - и тихонько усмехнулся.

- Эммануил? - с серьёзным видом спросил Хайдель.

- Да.

- Ты очень странный человек.

После захода солнца они устроились на привал, перекусили солониной, сухофруктами и хлебом и отправили коня на выпас. Именно отсюда Хайдель с Зассеном ушли в лес и выбрались на большую дорогу. Поиски ганзы увели их по узкой тропе на север, а широкий проезд тянулся дальше на восток - по нему и прибыл Мендельсон. Оба пути сливались с трактом Талабек-Бехафен.

- Вы всё время следовали за мной? - спросил Мендельсон.

- Нет, мы срезали через лес с севера. Похоже, Зассен возвращается по своим следам, возможно, считая, что выиграет этим время.

- Что ж, вряд ли мы сократим разрыв, ежели напрямую погонимся за негодяем. Возвращение в Бехафен

моим путём выйдет дольше, зато поскачем верхом. Это рискованно, но так мы получим шанс перехватить его. Впрочем, если Зассен окажется в Бехафене раньше, то, боюсь, он пропадёт с концами.

Три дня пути стали кошмаром, перемежаемым остановками на приём пищи и ночной сон (да и тот с трудом наступал). Хайделя раздражало, что, едва прикорнув, он тут же пробуждался рывком. Лёжа в полудрёме, Франц постоянно чувствовал движения лошади, будто продолжал ехать верхом, а порой – каждый выступ и изгиб впивающихся в спину корней и камней, отчего и провёл большую часть времени в причудливом помрачении из-за постылой бессонницы.

Когда же сон таки одолевал его, Хайдель видел странные картины: будто он едет на той же самой лошади вместе с человеком в плаще, но заговорить с ним мешал ужас, порождённый чувством тревоги. Один раз он коснулся плеча незнакомца, и тот повернулся. Тени мимолётно скрыли его лик, но, едва бледный свет луны разогнал их, Хайдель не сдержал крика – ибо на него взирал разлагающийся труп с прекрасными русыми локонами, обрамлявшими иссохшую голову. До омерзения гротескным движением он нарумянил себе щёки и осклабился, явив жёлтые крошащиеся зубы.

- Юмор, - сказал он Хайделю, - противоположен...

И слова эти пугающим эхом отзывались в душе. Но, как бы Хайдель не старался, слезть с лошади у него никак не получалось.

На четвёртый день они вышли на тракт, где за тысячу крон купили свежих лошадей у встречного торговца. «Даже награда этого не покроет», - подумал Хайдель. От него же мужчины вывели, что меньше часа назад здесь на серой кобыле проезжал карлик, похожий на куницу.

Впервые издали увидеть Зассена удалось, когда следопыт медленно подъезжал к массивным деревянным воротам Бехафена.

- Бедная моя кобылка, - простонал Хайдель, заметив её понуренную от усталости голову.

Солнце позади них шло к закату, а прохлада сменялась морозом. Они проследовали путём Зассена через ворота мимо пары стражников, равнодушно смотревших на людей, что входили в город, а затем смешались с толпой, как можно незаметнее идя по пятам за следопытом. К счастью, на улицах кипела жизнь: мужичье стекалось в кабаки, лотчники собирали нераспроданные товары, а крестьяне на телегах ехали к воротам и деревушкам близ Бехафена. Так или иначе, Зассен не оглядывался, похоже, не замечая погони.

Двигаясь по оживлённым улицам, охотники на ведьм старались держаться на расстоянии и временами опасались потерять следопыта из виду. И, когда они, совсем потеряв надежду, с отчаянием всматривались вдаль, кто-то из них замечал, как Зассен идёт по переулку или сворачивает за угол. Он продолжил свой путь через центр города, пока, наконец, не вывел их к богатому кварталу с длинными рядами особняков, отделённых от дороги высокими стенами.

Зассен вошёл на участок ветхого строения с треснувшими и сломанными свесами, частично осыпавшейся черепичной крышей и заросшим сорняками и разнотравьем садом. Следопыт привязал взмыленную лошадь к сухому дереву и скрылся за особняком.

- Пойдём сейчас или вернёмся позже со свежими силами? – спросил Мендельсон.

Хайдель обратил внимание на вымученный вид Мендельсона, морщины, что испещрили его красивое

лицо, и будто налитые свинцом веки.

- Можно и так, - ответил Хайдель. - Тогда нам будет проще справиться с нечистой силой внутри. Но также я боюсь промедления, ибо зло, оставленное без присмотра, продолжит расти и множиться.

Он устало остановился и сощурил глаза.

- Предлагаю сейчас же идти туда и на корню извести заразу в любой её ипостаси.

Мендельсон решительно кивнул.

- Закончим дело, а там уж и отдохнём.

Они привязали лошадей к парадным воротам и вошли в сад перед домом. Мендельсон зарядил пистолеты, а Хайдель с мечом наголо оценил обстановку.

- Должен быть окольный путь.

Они украдкой обогнули здание, рискнув заглянуть в окна на торцах. Место выглядело заброшенным: в комнатах отсутствовала мебель, а само здание не отапливалось.

Облупленная дверь чёрного хода безвольно болталась на петлях, а за ней виднелся пустой коридор, ведущий в тёмное помещение. За порогом ветхость проступила куда отчётливей. Грязь и пыль скрывали полы, а толстые вервья паутины низко свисали с потолка. На миг Хайдель ощутил себя словно внутри чего-то мёртвого, в ссохшихся останках прежде живого существа; когда стены ещё не выцвели, а в комнатах и коридорах ещё звенел смех.

Осмотр первого этажа ничего не дал, а наверху они нашли лишь пустые залы.

- Похоже, придётся спускаться в подвал, - высказался Мендельсон. - Хотя сама перспектива меня угнетает.

Лестница уходила в черноту. «Прямо в нутро мёртвого зверя», - подумал Хайдель и тут же выбросил эту тревожную мысль из головы - обычно он не имел склонности к дефетизму.

Наконец, они вступили в сухое пустое пространство, где мрак разгонял висевший на стене впереди факел, чем не преминул воспользоваться Хайдель, взяв его. Слева в камне был высечен узкий ход, ведущий в ещё более густую тьму.

- Не нравится мне это, Эммануил, - прошептал Хайдель.

- Взаимно. Но, боюсь, ответы мы найдём лишь по ту сторону туннеля. Остаётся одно. Подсвети мне путь, - и Мендельсон нырнул в проход.

С факелом в одной руке и мечом в другой Хайдель последовал за ним и зашептал слова молитвы: «Устереги меня, Ульрик. Направь меня, Зигмар».

Ход медленно углублялся где-то на сто шагов вниз, а затем выровнялся. Землю под ногами будто бы годами утаптывали, а вот узкие стены и свод ошетинились выступами, которые Хайдель и Мендельсон не раз цепляли плечами, руками и коленями. Воздух разил враждебностью и нечестивостью. Вязкая холодная влага покрывала стены и капала сверху, собираясь в мелкие лужицы под ногами. Охотники на ведьм плохо видели перед и за собой, на них давил незримый вес земной толщи. Хайдель понурился, а Мендельсон молчал. Туннель, сохраняя горизонтальность, уходил то влево, то вправо, и вскоре Хайдель

окончательно лишился чувства направления. Дурное предчувствие с каждым шагом всё сильнее терзало его.

Затхлость застойного воздуха постепенно усиливалась. В замкнутом пространстве, без какого-либо движения запах сгустился до тошнотворного смрада, от которого Хайделя стало мутить. Возникла аналогия с червями, что копошились в преющем на солнце гнилом мясе. Тошнота подкатывала к горлу охотника на ведьм до тех пор, пока тот не сдался и не зашёлся кашлем.

Искажённые отзвуки разорвали тишину и разнеслись по проходу, отчего Мендельсон ажно подскочил и развернулся. В этот сумбурный миг Хайделя невольно охватил ужас: он представил себе иссохшее лицо мертвеца, разлагающийся череп прямиком из своих снов. Дыхание сперло, сердце подпрыгнуло в груди. Но едва это произошло, он понял, что ошибался, и Мендельсон остался самим собой.

- И что теперь обо мне подумают придворные дамы? - Мендельсон чарующе улыбнулся и живо замахал руками, отгоняя от себя запах. - Придётся купить дорогие бретонские духи, чтобы избавиться от этой мерзостной вони.

Хайдель не сдержался и робко улыбнулся. Он, однако, умолчал о своём кошмарном видении, да и слова Мендельсона не слишком-то обнадеживали. Мужчины побрели дальше, и где-то спустя двадцать шагов ужас вновь напомнил о себе. Всё, как и прежде: вонь, мрак, сырость и неопределённость. Но, едва Хайдель хотел предложить повернуть обратно, впереди забрезжил тусклый свет.

Хайдель с Мендельсоном прокрались вперёд, пока не выглянули в пространство снаружи, коим оказалась сухая гладкостенная полость примерно двести футов в ширину и высоту с теряющимся во мраке сводом - должно быть, некая усыпальница или часть бехафенских катакомб. На больших каменных плитах лежали высушенные трупы, а пол усеивали торчащие под неестественными углами кости множества человеческих скелетов. В сотнях узких ниш в стенах лежали и другие останки. Стоял всеобъемлющий запах смерти и разложения.

В центре находился похожий на арку каменный объект высотой около десяти футов, под которым стоял Зассен. Коротышка взглянул на вершину, отступил назад, развернулся и скрылся из виду. Ещё никогда следопыт так сильно не напоминал куницу благодаря вытянутому, понурому лицу, косматой бородке и блестящим глазам-бусинкам.

И тут среди мёртвой тишины неведомо откуда гулко грянул знакомый голос:

- Прошу, Хайдель, я ждал вас. И товарища не забудьте, - а затем раздался взрыв безудержного хохота.

Все надежды на внезапность (если это вообще было возможно) пошли прахом, и Хайдель ощутил горечь неудачи. Безвольно опустив руки, они с Мендельсоном устало ввалились в окутанную мраком усыпальницу.

- Пришли засвидетельствовать мой триумф, не иначе. Добро пожаловать в катакомбы Бехафена, герр Хайдель.

В трепещущем свете факела показался фон Кляйст и зашагал к арке, а за ним робко ковылял Зассен. Барон в чёрных одеяниях казался Хайделю костлявым и долговязым, сродни мертвецу. Свет от факелов в усыпальнице бросал на него длинные тени. Кожа на голове выглядела слишком натянутой, а глаза и рот напоминали зияющие провалы. Лицо превратилось в подобие черепа. Барон вновь рассмеялся.

- Узрите же мой труд – Бехафен падёт здесь! На этом месте я раскрою врата между жизнью и не-жизнью, подчиню себе смерть, поправ законы природы, и сии бранные кости восстанут вновь! – барон медленно кружил на месте, победоносно воздев руки. Для него останки были сродни всех сокровищ мира; будто вместо гниющих трупов лежали драгоценные камни в оправках из золота и серебра.

Лицо Хайделя искажил гнев.

- Это ересь, падший колдун! Ты заплатишься за неё! Будь ты проклят!

- К чему грубости, охотник на ведьм? Проклиная другого, проклинаешь и себя. Между прочим, возвращение ключа к междумирию – твоя вина, - барон помахал подвеской, дразня Хайделя. – Моя «охрана» сбежала с ним, и посему я прибег к помощи человека иного ремесла. Спасибо, что вернули его в целости.

Фон Кляйст издевательски отвесил полупоклон, а Зассен позади барона зашёлся странным, пронзительным смехом. От злости Хайдель сжал рукоять меча. Ему ужасно хотелось наброситься на коротышку и сполна отплатить за предательство. Хайдель ощущал, как напрягся Мендельсон и что его трясёт от гнева.

- Ты, некромант, предался пороку, за что с воплями будешь низвергнут в преисподнюю, - прямо заявил Мендельсон, будто выносил приговор. На мгновение барон опешил от уверенности в голосе охотника на ведьм.

Но затем фон Кляйст ухмыльнулся.

- А как насчёт этого? – спросил он и, протянув руку, вставил ярко-синий камень подвески на вершину каменной арки. Оттуда вырвался ослепительный до рези в глазах свет и разогнал мрак пещеры. Спертый воздух наполнился неприятным запахом раскалённого металла. Пол понемногу заколыхался, и костяное море подёрнулось волнами. Раздался многоголосый хор недобрых шепотков – и кости зашевелились!

Опешив, Хайдель как в бреду наблюдал за восстанием древних скелетов: берцовые кости сочленялись с бедренными, застучали челюсти, пестрые от пятен руки и блеклые черепа прирастали к родным телам. Пещера загудела от ужасного шарканья костей, когда те, будто осознанно, поползли к нужному суставу или впадине для сочленения. Шабаш движущихся трупов и частей тел отравил воздух невыносимым смрадом. Поначалу приняв это за наваждение, Хайдель всё же осознавал чудовищную реальность. Нет времени для грёз – нужно действовать, или же они погибнут здесь.

Охотники на ведьм молниеносно отреагировали и, высоко подпрыгнув, перескочили через движущуюся нежить, рубя рапирами по загребушим лапам, что пытались их схватить. Хайдель отбивался от мертвецов и продвигался вперёд, опираясь на черепа и рёбра. Он пытался сохранять равновесие в бушующем море костей, что раскачивалось на десять футов то в одну сторону, то в другую. Мужчина чувствовал царапины и укусы, а иногда – и резкую боль, сопровождаемую струйкой крови.

Грянуло два последовательных хлопка, и Хайдель увидел, как Зассен, бледнее смерти, рухнул с воплями и парой дыр в груди. Он быстро посмотрел по сторонам, но нигде не нашёл Мендельсона. Считанные мгновения отделяли охотника на ведьм от того, чтобы быть поглощённым ордой голодной нежити. В отчаянии он попробовал добраться до барона, яростно прорубая себе путь сквозь костяную зыбь.

Но фон Кляйст только того и ждал. Гортанно пробормотав заклинание, он резко выбросил руку в сторону Хайделя, и в него полетел багрово-красный шар пламени, уклониться от которого не удалось, и жгучее пламя охватило мужчину. Страдальческий вопль становился всё истошнее, пока Хайделю не захотелось

заставить его умолкнуть. Но едва это произошло, охотник на ведьм понял – кричал он сам. Вскинув голову, Франц увидел очередной огненный ступок, слетевший с длани барона. Снова объятья пламени и невольный крик боли. Оклемавшись, краем глаза он заметил Мендельсона – тот ловко вскарабкался по растущей горе костей и добрался до арки, а затем встал позади фон Кляйста с камнем в руке и занёс его для удара.

«Мендельсон, нет! - закричал про себя Хайдель, едва ворочая языком, - Ты целишься не туда...»

Но Мендельсон метил в арку, а не в барона. Собрав все имеющиеся силы, он обрушил камень прямо на голубой самоцвет подвески. Третья обширная сфера пламени захлестнула жуткую пещеру, но на сей раз огонь не коснулся Хайделя. Обжигающе яркий, он будто рекой струился из камня в арке, а затем окутал Мендельсона и с силой отбросил некроманта в сторону.

Кости вокруг Хайделя задрожали, как во время предсмертной агонии, а затем безвольно рухнули, словно у марионеток обрезали нити.

С новой силой Франц рванул вперёд и приземлился перед бароном, который полз на четвереньках среди обугленных трупов. Хайдель пнул его ногой, и фон Кляйст отлетел назад. Некромант попятился, отчаянно шаря руками в поисках точки опоры среди ковра из костей, и оставил живот незащищённым. Охотник на ведьм ударил мечом сверху вниз и ощутил, как клинок, проскользнув мимо костей, пронзает жизненно важные органы.

На лице барона промелькнул шок.

- Нет! - возопил он. - Этого не может быть!

- Знай же, некромант! - крикнул Хайдель. - Я – охотник на ведьм. Я найду зло там, где бы оно ни подняло своей уродливой головы, и очищу мир от сей заразы. Ты прокажённое и порочное создание. Возвращайся же в преисподнюю, которая тебя изрыгнула.

Закончив речь, он увидел, что барон испустил дух.

Хайдель подбежал к Мендельсону, но было слишком поздно. Уничтожив подвеску, эпатажный охотник на ведьм и сам обрёк себя на смерть.

Хайдель не стал задерживаться. Он тихо прошептал слова, своего рода молитву:

«Каково это – охотиться на ведьм?

Бесконечно бороться с тьмой.

Какова будет наша награда?

Мы ничего не просим и ничего не получаем.

Когда прекратится наша служба?

Когда мы навечно упокоимся в сырой земле».

Хайдель поднялся и развернулся, чтобы уйти, но затем остановился, присел и подобрал с земли металлический предмет – украшенный резьбой пистолет, чьё серебро потускнело от сажи. Он покрутил его в руке. Тяжеловат, но хорошо лежит в ладони.

«Неплохой баланс, - подумал про себя Хайдель, - Думаю, приучусь пользоваться таким. Да, думаю, получится», - и заткнул его за пояс.

«Но шелковую рубашку покупать не стану».

И тут в голове прозвучал голос Мендельсона: «Юмор тоже хорош в борьбе с тьмой».

Хайдель коротко улыбнулся и отправился в долгий путь обратно на поверхность, в город.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Врата_/_The_Doorway_Between_\(рассказ\)&oldid=26659](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Врата_/_The_Doorway_Between_(рассказ)&oldid=26659)

Эта страница в последний раз была отредактирована 2 ноября 2024 в 15:08.